

**Полюса и краски социально-экономического обновления рубежа
XIX – XX веков в промышленном центре России**

Региональные особенности формирования городской среды и рабочего класса ЦПР на рубеже XIX – XX вв.

На рубеже XIX и XX столетий Москва и весь Центральный промышленный регион переживают полосу экономического подъёма.¹ Оживление экономической жизни было связано с началом в России процессов социально-экономического обновления.² На развитие региона в этот период по-прежнему весомое влияние оказывали исторические, культурные, климатические и другие его особенности, само месторазвитие в междуречье Оки и Волги.³ Так, большое значение для края имело преобладание в нём губерний потребляющего типа. Условия для развития зернового хозяйства в них были сложными. Зато климат способствовал выращиванию льна и технических культур. Район был богат лесом, железной рудой, добывался уголь, торф, велась разработка камня. Важное значение для его благополучия с глубокой древности играла торговля. Причиной тому было выгодное расположение Москвы на пересечении торговых путей. Позже, на рубеже XIX – XX вв. срединное положение ЦПР дополняется созданием в нём разветвлённой сети железных дорог и прочих коммуникаций, развитие которых в других уголках страны было затруднено большими расстояниями и удалённостью от устоявшихся экономических центров.

Важным фактором развития региона являлась его относительно высокая населённость, что складывалось с глубокой древности и со временем лишь закреплялось. В конце XIX – начале XX в. Московская губерния относилась к трём наиболее густонаселённым губерниям, число жителей в которых превышало 75 жителей на кв. версту. При этом во многом густота населения губернии достигалась за счёт большой концентрации жителей в огромном мегаполисе – Москве: если в середине XIX в. численность населения Москвы составляла 351 609 человек, то в 1897 – уже 1 267 230 (Москва являлась вторым по численности городом России). За вычетом жителей Москвы плотность населения Московской губернии сразу же падает до 47,8 жителей на квадратную версту. Плотность же сельского населения в ней была и того ниже – 29,9 человек на квадратную версту. Преобладающим типом заселения оставались деревушки и поселки, протянувшиеся вдоль дорог. В сторону от трактов человеческое жильё встретить было очень трудно. Громадные массивы в начале века занимали леса, отчасти сохранившиеся и сегодня. В среднем на одно селение, состоявшее, как правило, из 15–25 дворов, приходилась территория в 8 квадратных вёрст. Урбанизация, как один из элементов намечавшихся в обществе тенденций переустройства, не привела к формированию более

* к.и.н., доц. МГПУ.

равномерного типа расселения, и даже наоборот – разросшийся город ещё больше закрепляет своё доминирующее над округой положение.⁴

В самих городах результатом ускоряющихся процессов урбанизации становится временно возникающая в конце XIX в. диспропорция между мужским и женским населением. Если в среднем по губерниям ЦПР на 1 января 1914 г. доля женщин в населении была выше, чем доля мужчин, то в городах региона картина была иной: здесь мужчины численно преобладали (исключением выступали лишь города текстильных Тверской и Костромской губерний, где число мужчин и женщин было примерно одинаковым).⁵ Особая ситуация складывалась в Московской губернии, где преобладание мужского населения над женским в городах было особенно впечатляющим.⁶ В самой Москве на годы, предшествовавшие отмене крепостного права, когда рост промышленности шёл в основном за счёт развития отходничества, мужское население составляло 62% {данные по 1859 г.}. Позже, когда некоторые рабочие смогли перебираться в города с семьями, доля мужского населения несколько снизилась, но и в 1897 г. она составляла 57% от общего числа жителей.⁷ Ситуация качественно не переменялась и в начале следующего века: согласно переписи на 1 марта 1907 г., т. е. ровно за 10 лет до революции, в Москве с пригородами проживало 733.191 мужчин и 605.495 женщин.⁸

* * *

На рубеже веков в экономике ЦПР по-прежнему первостепенную роль играл аграрный сектор. В связи с этим важное значение имеет вопрос о том, как процессы социально-экономического переустройства сказывались на крестьянском хозяйстве края. Условно, по характеру влияния на них модернизационных процессов (развитие капиталистических отношений, расслоение крестьянства, внедрение новых аграрных технологий и т. п.) губернии Московской промышленной области могут быть разделены на два ярко выраженных типа: губернии многолошадные и малолошадные. К губерниям первого типа относились Смоленская, Калужская, Костромская и Тверская губернии. К губерниям второго типа исследователи причисляют Ярославскую, Нижегородскую, Владимирскую и Московскую губернии.

Многолошадные губернии были зонами особо устойчивых аграрных отношений. В них сельское хозяйство прогрессировало не столько в сторону насаждения капитализма, сколько общего подъёма производства. Подъём этот выражался в таких положительных моментах крестьянского хозяйства, как обеспеченность крупным рогатым скотом, посевными площадями, возрастала доля хозяйств, арендовавших землю, обрабатывающих её своим инвентарём, сокращалось число хозяйств, вынужденных связывать своё благополучие с различными, в том числе отхожими промыслами или торговлей. Характерно, что расслоение крестьянства в многолошадных губ-ях, уездах и волостях было выражено относительно слабо.

И наоборот, в малолошадных губерниях дифференциация крестьянства была выражена глубже и отчетливее. В них возрастали отрицательные моменты крестьянского хозяйства. Крестьяне здесь чаще забрасывали свою надельную

пашню, обрабатывали не всю принадлежавшую им землю, сдавали её в аренду. Падает обеспеченность крупным рогатым скотом. Многие хозяйства этих районов могли поддерживать своё существование лишь прибегая к занятием промыслами. Если в других районах разложение крестьянства шло через концентрацию земли в руках немногих разбогатевших крестьян и обезземеливание прочих, то здесь процесс расслоения крестьянства имел совершенно иную направленность. В мало-лошадных губерниях расслоение крестьянство было жёстко связано с промысловой деятельностью крестьянства. Так, в Ярославской губернии, особенно в передовом с точки зрения развития промыслов Моложском уезде, чётко выделялась особая категория хозяйств, имевших значительные денежные доходы не от земледелия, а от промыслов. Похожая ситуация отмечалась и в других промысловых губерниях района: в Московской и Владимирской.

Новшества в хозяйственной сфере сопровождаются серьёзными подвижками в области демографии и семейного уклада. Эпоха бурного развития новых социально-экономических укладов в ЦПР совпала по времени с болезненным процессом замены старой патриархальной семьи новой малой семьёй. Процесс этот шёл на фоне резкого роста после 1861 г. численности населения и «омоложения» русской деревни, что фактически и делало распад патриархальной семейной структуры неизбежным. Разрушение большой патриархальной семьи, в свою очередь, вело к нарушению вековых устоев крестьянской жизни, а подчас и к регрессу крестьянской экономики. Исследователями давно был подмечен парадокс: капитализация русской деревни сопровождалась падением в ней многолошадных хозяйств. Однако парадоксальной ситуация могла казаться лишь с прежней точки зрения, когда считалась, что многолошадными в те годы были лишь хозяйства деревенской буржуазии. На самом же деле всё обстояло как раз наоборот – во многих уездах ЦПР деревенская буржуазия свой основной доход имела от промыслов, торговли и ростовщичества, а самый многочисленный слой многолошадных хозяйств составляли большие патриархальные семьи. На эту особенность уже в те годы, о которых идёт речь, указывал, например, И.А. Гурвич. В своём труде «Экономическое положение русской деревни», вышедшем примерно в одно и то же время на русском и английском языках, он так и писал: «самый высший по владению скотом класс состоит главным образом из дворов старого типа».⁹

Ещё одним важнейшим проявлением процессов модернизации в регионе становится возникновение таких экономических условий, которые приводили крестьянство к необходимости полного разрыва с землёй.¹⁰ Ярким проявлением этого служил рост в деревне числа «отсутствующих дворов», Как свидетельствуют земские переписи за 1897–1913 гг., таких дворов в 69 уездах 7 губерний ЦПР (за исключением Смоленской, Нижегородской и Рязанской) насчитывалось 287,9 тыс. или 19,3% от общего числа приписных дворов.¹¹ Подчас их хозяева не имели хозяйственных построек, скота и даже изб. Им оставалось одно – сдавать землю в аренду, а самим уходить в города. В деревне же они числились как отсутствующие. На примере Тульской губ. можно судить, что в наибольшей мере процессам

миграции была подвержены мужчины. Но в конце концов волны перемен затронули и консервативный женский элемент русской деревни и постепенно миграционная подвижность возрастает и среди женщин.¹² Понятно, что самым «текучим» элементом деревни являлась молодёжь. Тем самым социально-экономическая трансформация рубежа XIX – XX веков существенно снижала социальную стабильность в крестьянстве. Возникают условия, при которых за экономическими и демографическими сдвигами наступает черед и политических потрясений.

* * *

Преобразования в аграрном секторе стали той необходимой базой, на которой в конце XIX – начале XX вв. социально-экономическое обновление разворачивается и в промышленном производстве. Россию этого времени можно по праву считать страной интенсивной индустриализации и урбанизации. Московский регион становится крупнейшим индустриальным центром России: здесь было сосредоточено около 35,5% промышленных предприятий страны. На них работало более 1 млн. человек.¹³ При этом в годы, предшествующие I Мировой войне, промышленное производство в крае увеличилось почти наполовину. Во многом промышленная мощь региона держалась на промышленном потенциале самой Москвы, которая, вместе с губернией занимала ведущее положение в России и по числу рабочих, и по годовому производству промышленной продукции (в рублях) на душу населения, и по многим другим показателям.

Успеху индустриализации края способствовало так же развитие в нём всех основных видов современного производства. В целом промышленность ЦПР носила многопрофильный характер, хотя по отдельным губерниям и преобладала какая-либо моноотраслевая специализация. В крае имелись губернии с громадным преобладанием в них текстильной промышленности, как например в Костромской и Владимирской губерниях. В некоторых других губерниях, таких как Рязанская, Тверская, Ярославская, Смоленская, высокая доля текстильной промышленности сочеталась с развитой пищевой и другими отраслями лёгкой промышленности. В Нижегородской, Тульской и Калужской текстильная промышленность играла ничтожную роль и на первых позициях в них находилась металлургия, а также пищевая промышленность, бумагоделательное производство и т.п. Наконец, в Москве и Московской губернии более или менее сбалансировано развивались предприятия всех отраслей.¹⁴

Индустриализация в ЦПР начиналась не на пустом месте – Москва принадлежала к старейшим в России и Европе промышленным зонам. Это имело свои плюсы и минусы. К минусам, несколько тормозившим техническое перевооружение московской промышленности, может быть отнесено преобладание в её структуре старых предприятий. Так, предприятий, возникших до 1861 г. в Московском промышленном районе было сосредоточено около 25%, что на 5–10% выше, чем по стране. В тоже время предприятий, возникших в конце XIX в., в 1891–1902 гг. в крае было немногим более 30%, что почти на 10% меньше общероссийского пока-

зателя. Однако такие же проблемы стояли перед всеми промышленно-развитыми странами, такими как, скажем, Англия. Моральное старение производственных мощностей компенсировалось в ЦПР за счёт других источников.

Так, обновление технической базы предприятий края шло в ЦПР в более перспективных направлениях, чем в прочих регионах страны и московская фабрично-заводская промышленность в те годы нередко выступала как локомотив прогрессивного курса на внедрение новейшей техники в масштабах всей России. Среди передовых предприятий в крае числились мануфактуры Гюбнера, Цинделя, Абрикосова, Смирнова и др. Изделия этих и других московских фабрик не однократно становились призёрами всероссийских промышленных выставок.¹⁵ Что же касается общего технического развития края, то судить о нём позволяют показатели не столько количественного, сколько качественного плана. Среди них можно назвать, к примеру, показатели, характеризующие мощность и типы применяемых на предприятиях региона двигателей, а так же типы используемого ими топлива. Так, если в других районах самым распространённым было минеральное топливо {в среднем по России его потреблялось до 50%, а в отдельных регионах, например в прибалтийском, до 80%), то в ЦПР удельный вес использования минерального топлива составлял лишь 20%, в то же время до 40% потребляемых здесь ресурсов приходилось на жидкое топливо. Предпочтение именно этому виду топлива в ЦПР отдавалось по причине удобства доставки нефти по Волге из Баку. И хотя получалось так, что нефть часто сжигалась в топках под паровыми котлами (т.е. применение её подчас было крайне непроизводительным), широкое использование жидкого топлива вело в Москве к более широкому, чем по стране применению двигателей внутреннего сгорания.¹⁶

Важным качественным показателем развития промышленности региона может считаться соотношение между крупными, средними и мелкими предприятиями. С одной стороны этот показатель свидетельствует о концентрации производства, а с другой – о характере эволюции промышленных предприятий региона. Направленность этой эволюции может быть прослежена достаточно чётко: от крестьянских кустарных промыслов или ремесла к мануфактуре и фабричному производству. На мелких предприятиях края как правило существовала специализация на одной – двух стадиях производства. На крупных же предприятиях, наоборот, стремились объединить все стадии производства. Можно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что в основе такого комбинирования лежала не высокая степень специализации производства с выпуском полуфабрикатов на рынок, а узость массового потребления и стремление получить максимальную прибыль через расширение выпускаемого ассортимента, а так же трудности с получением исходного сырья и полуфабрикатов. В значительной мере это объясняется доминированием в процессах индустриализации края элементов с некапиталистической природой.

Отмеченные выше и другие особенности развития ЦПР на рубеже XIX–XX веков уже давно стали почвой для возникновения различного рода дискуссий об особенном, национальном варианте обновления России на рубеже XIX–XX вв., наиболее ярко проявившимся именно на примере Москвы. Так, в своё время характерные черты развития ЦПР были рассмотрены одним из патриархов советской исторической школы А.М. Панкратовой. Сравнивая развитие промышленно-сти региона с аналогичными показателями развития Петербурга и Польши, Панкратова пришла к выводу, что выявленные ею различия являются отражением с одной стороны разных ступеней, а с другой – разных условий генезиса капитализма. К ним она относила, к примеру, позицию российского государства, вводившего для защиты отечественного производства покровительственные таможенные тарифы. Панкратова также отмечала, что в экономике края с чисто капиталистическими сочетались так же и другие, определявшиеся ею как феодально-патриархальные методы эксплуатации.¹⁷

Тем самым, Панкратова делала реверанс в сторону цивилизационных трактовок, почти вплотную подойдя к выводу о том, что *буржуазные отношения в регионе носили иной характер, чем в странах классического капитализма*. Но преувеличивать значимость цивилизационных аспектов в её взглядах не приходится. Особые пути генезиса капитализма в России связывались ею исключительно с *пережитками крепостничества, а нес национальной спецификой исторического пути России, страны, в которой, как ни относиться к этому факту, капитализм играл существенно меньшую роль в индустриализации рубежа веков, чем в странах Европы*. Панкратова выделяла как бы основной, столбовой путь развития капиталистических отношений, свойственный для всего мира. Отклонения от него для неё носили временный характер и вызывались не цивилизационными различиями, а большими или меньшими темпами экономического развития. С этих позиций она в основном и трактовала особенности модернизации в ЦПР.

Похожие взгляды доминировали в советской исторической науке не одно десятилетие. Так, В.Я. Лаверычев признавал существование специфических черт в развитии Московского края, но выступал против их чрезмерного раздувания, поскольку они, по его мнению, носили не качественный, а количественный, в лучшем случае стадийный характер. Коренную особенность ЦПР Лаверычев видел в замедленности здесь слияния промышленного с банковским капиталом, что объяснялось им преобладанием в регионе текстильной промышленности с её распылённостью и широким ассортиментом товаров, тормозившими процессы монополизации.¹⁸ Подчёркивал значимость для формирования характерных черт капитализма в Московском промышленном районе преобладания в нём текстильной промышленности и другой историк – И.Ф. Гиндин. Но его выводы звучат существенно решительнее выводов Панкратовой и Лаверычева. Многие Гиндин уже в прошлые годы истолковывал с позиций, сближавших его подход с современным цивилизационным. В частности, он писал о слабости в России среднего класса:

мелкой и средней буржуазии. Слабость же эту он объяснял тем, что в России крупное индустриальное производство *возникает на базе крестьянских промыслов, а из средневековых ремесленных институтов*, как на Западе. Тем самым он признавал роль русского крестьянства в развитии социальной структуры страны рубежа веков и проводил жёсткую грань между историческими традициями России и Запада. Гиндин, к тому же, существенно радикализовал рассуждения, знакомые ещё по работам Панкратовой, о свойственных для экономики ЦПР протекционистских мерах государства, а заодно и о комбинированных формах эксплуатации, сочетающих чисто капиталистические и докапиталистические элементы. Он писал о том, что даже в «эпоху империализма» основная доля прибыли в промышленности района состояла не из монополистической прибыли, типичной для стран Запада. В ЦПР был распространён особый, «русский» тип сверхприбыли. В основе этого «национального» типа сверхприбыли лежала не отраслевая, а государственная, *политическая монополия*, монополия на власть.

* * *

Отмечаемые в прежней историографии особенности развития Московского промышленного региона, таким образом, уже в прошлом заставляли наиболее объективных историков говорить об особенностях русского экономического развития в сравнении и с Западом, и с Востоком. Но европоцентризм прежней идеологии мешал, даже таким авторам, как Гиндин, поставить вопрос более радикально – действительно ли Россия непременно должна была повторять в своём развитии те формы и те этапы, которые мы видим на примере Западной Европы и Северной Америки? Вместе с тем положение в экономике Московского края давало достаточно материала для весьма далеко идущих выводов.

Прежде всего заслуживает внимание факт охранительной политики государства, направленной на усиление мощи отечественного индустриального производства, что имеет множество проявлений как раз в промышленности губерний Центральной России. Этот феномен, столь ярко проявившийся в Московском крае, заставляет некоторых современных историков говорить о совершенно специфическом явлении – **государственном индустриализме**, который по их мнению, стал альтернативой капиталистической индустриализации.¹⁹ Но и там, где развивались частные формы производства, они далеко не всегда носили сугубо капиталистические черты, что так же вынуждена была признавать прежняя историография (см. выше).

Правда, говоря о некапиталистических элементах в развитии промышленности ЦПР историки советской школы прежде всего, как мы видели, писали о сверхвысокой, полукрепостной эксплуатации рабочих. Положение рабочих в дореволюционной России действительно было тяжёлым. Но выводы историков прежних лет диктовались не только истинными тяготами рабочих, но и абсолютно субъективными представлениями о том, что облегчить жизнь русских рабочих могли исключительно сформированные по западному образцу профессиональные союзы

и европейского типа фабричное законодательство. При этом совершенно не учитывалось, что в России всё общество, будь то в политической, бытовой или экономической сфере, строилось по принципу большой патриархальной семьи. Здесь защита прав работника основывалась совершенно на иных началах.²⁰ Совсем не случайно именно Москва становится центром такого уникального явления, каким была «зубатовщина». Отвлекаясь от идеологических оценок, следует отметить, что «зубатовщина» явилась особой государственной политикой, направленной на создание под патронажем самодержавия разветвлённой сети профессиональных союзов для рабочих, и не случайно, что попытка повторения аналогичного опыта в городе с другим психологическим климатом, Одессе – привела к неудаче и отставке С.В. Зубатова.²¹

Необходимо остановиться и на такой черте экономики ЦПР, как высокая доля в ней текстильной или вообще лёгкой промышленности. С позиций прежней советской историософской схемы, когда магистральным направлением индустриализации считалось развитие тяжёлой промышленности, это могло восприниматься однозначно – как свидетельство отсталости экономики края. Но в практическом плане такой подход неправилен. Лёгкая промышленность, в том числе текстильная промышленность – эта та сфера производства, которая наиболее полно обслуживает интересы рядовых потребителей. В России это выражалось в том, что лёгкая промышленность не только поставляла в деревню необходимые там предметы потребления, но и сама потребляла производимое крестьянином сырьё, тем самым способствуя экономическому подъёму села. Русский путь вхождения в современную цивилизацию, таким образом, потенциально был более обращён к рядовому человеку, его интересам, что сулило немалые дивиденды как в экономической, так и в социальной сфере. Кроме того, и применительно к ЦПР, это особенно очевидно, подъём в России в лёгкой промышленности не замедлял, а наоборот ускорял развитие металлургии. Совсем не лишним будет добавить, что именно в ЦПР, в Ветлужском уезде Костромской губернии в 1865 г. зародилось российское кооперативное движение — хозяйственный механизм так же направленный на поднятие народного благосостояния. Питаясь самыми демократическими элементами отечественной экономики, кооперативное движение в начале XX в. стало одним из важнейших элементов экономики края.²²

Говоря о развитии промышленности Московского региона необходимо остановиться ещё на одной отличительной его черте, а именно на сравнительно низком распространении здесь иностранного капитала. Немецкий капитал в промышленности Москвы и региона был представлен хлопчатобумажной фабрикой Э. Цинделя, предприятиями Набгольц, Г. Листа, Ферейн, некоторыми другими предприятиями. Иностранному капиталу принадлежали так же такие крупные предприятия, как завод Гужона (французский капитал) и завод Бромлея (английский капитал). И тем не менее доля иностранного капитала продолжала в ЦПР быть значительно меньшей, чем, например, в Петербурге.

Таким образом, специфические черты развития Московского региона в период модернизации рубежа веков и позволял таким историкам, как Панкратова, Гиндин и другие говорить об особой московской модели экономического развития. К ещё более смелым выводам приходит современный историк Н.А. Иванова. Принципиально значимым представляется сформулированное ею положение, согласно которому исторически сложившиеся в России крупные регионы (одним из которых и являлся ЦПР) представляли собой не просто географически определённые территории, *но также специфические типы хозяйственной, социальной и культурной деятельности людей*. Иванова пишет о том, что существовавшие специфические черты отдельных регионов отражали не только различные уровни линейного развития, но и являлись следствием многообразия имевшихся в действительности путей становления индустриализма.²³

* * *

Важно отметить, что подобный подход вовсе не ведёт к отрицанию единого исторического пути России, общенациональных черт её развития. Существование нескольких более или менее *самостоятельных зон культурного и экономического роста* компенсировался доминированием одного или группы наиболее мощных регионов, характерные черты развития которого и определяли лицо русского пути (проекта, варианта) социально-экономического обновления. *И таким доминирующим регионом, в значительно большей степени, чем любой другой, даже Петербургский, являлся Московский промышленный район.*

Сторонником точки зрения, согласно которой путь развития индустриализации, наблюдаемый на примере Московского промышленного района, *должен считаться характерным для формирования национальной экономики России в целом*, можно считать историка-экономиста П.И. Лященко. Лященко, правда, не выходил за рамки устоявшего взгляда, отождествлявшего индустриальный рост страны на рубеже XIX–XX веков с насаждением в ней капиталистических отношений, но, тем не менее, в его работах содержится немало того, что приближает нас к пониманию национальной специфики развития России эпохи империализма и роли в этих процессах Москвы. Лященко, с одной стороны, говорил об отсталости русского капитализма,²⁴ но с другой стороны о его *самостоятельном генезисе*. Особенными чертами этого генезиса Лященко считал преобладающую роль купеческого капитала, а так же органический характер его развития от мелких промыслов к мануфактуре и далее к крупной капиталистической фабрике. Такой дорогой шло развитие, по его убеждению, в Поволжье, Земледельческом центре России, Сибири и в большинстве других собственно русских районах. В них становление русского национального капитала происходило не только однотипно с Московским промышленным регионом, но и в преобладающей мере под непосредственным воздействием московского, торгово-промышленного капитала, который последовательно осваивал и в значительной мере цементировал расши-

ряющийся «всероссийский рынок» и создавал в метрополии (Москве, ЦПР) промышленность для его обслуживания.

В качестве же отклонений от общего типа в развитии национального капитала Ляшенко приводит пример Урала и Петербурга. На Урале промышленность не прошла того органического развития, что и Московском регионе. Хотя отчасти металлургия Урала и возникла на база «домашних» крестьянских промыслов, но преобладающим был путь возникновения сразу преимущественно крупного производства: государственного, дворянского или купеческого (но и в последнем случае благополучие предприятий основывалось на крепостном труде)²⁵. В Петербурге капитализм в ещё меньшей мере мог «органически» возникнуть на базе мелкой крестьянской промышленности, которой не было в пустынных окрестностях искусственной Петровской столицы. Здесь он не трансформировался из торгового капитала в промышленный, а был привнесён в виде крупного государственного производства или зарубежного частного капитала. Ещё большие сдвиги происходят в петербургской промышленности на рубеже XIX–XX вв. Если московский банковский капитал оставался национальным, то в Петербурге всё большая роль принадлежала Западному капиталу, Прилив капиталов из-за рубежа вызывала к жизни формы организации монополистического капитала, свойственные Западу, в Москве же *национальная специфика оставалась почти не затронутой*.

К аналогичным выводам приходит и Н.А. Иванова. Она пишет об особой культурной, политической, а так же экономической роли второй столицы, которая на рубеже веков всё в большей мере заслуживала возратить себе звание первой и единственной. Москва являлась общероссийским коммерческим центром, выполняла миссию общенационального средоточения внутренней торговли (Петроград же, как это убедительно показал Ляшенко, служил глобальным посредником для внутренних районов страны в их внешнеэкономических связях с границей). Москва может считаться крупнейшим транспортным узлом всей России. Очень значительным в данном контексте является и тот факт, что особенности генезиса промышленности ЦПР, привели к тому, что район жил в основном на местном сырье и топливе, либо завозил недостающее из других районов России. Петербург же значительную часть сырья и топлива импортировал. Тем самым Петербург *получал относительную свободу от развития экономики страны, но зато в значительной степени зависел от экономических процессов на мировом рынке*.

В Москве ситуация складывалась качественно иначе: с одной стороны, экономика города и района были застрахованы от внезапных ударов экономических кризисов, бушевавших за пределами Империи. Это, между прочим, успело вполне проявиться в период экономического кризиса 1900–1903 и депрессии 1903–1904 гг., вызванных «встроенностью» в России в мировой рынок. Опираясь на более органическое строение своей индустриальной базы, ЦПР оказался затронут кризисом значительно слабее и оправился от него быстрее тех регионов, чьё благополучие зависело от денежных вливаний из-за рубежа. С другой стороны – стабильность и благополучие Московского края оказывались неразрывно связанными

с развитием, стабильностью и благополучием всей России. Но то же самое можно сказать и наоборот, – развитие всей страны всё больше определялось развитием Москвы и Центрального промышленного региона.

Рабочие и буржуазия ЦПР в канун революционной эпохи

Период модернизации рубежа веков становится временем, когда в России идут бурные процессы генезиса двух ведущих классов современного общества: буржуазии и класса наёмных работников. Соответствующие процессы разворачивались и в центральной России. Как и все прочие явления индустриальной эпохи, процесс классообразования носил здесь ярко выраженные специфические черты, связанные с общими региональными особенностями ЦПР.

Несмотря на свою относительно невысокую численность, буржуазия Москвы являлась слоем, игравшим важную роль в жизни не только ЦПР, но и всей страны. Она стремилась распространить своё влияние за пределы региона и выйти из сугубо экономической сферы деятельности. Силу московской буржуазии подчёркивал уже тот факт, что в XX в. каждый министр промышленности, торговли и финансов – Витте, Коковцев, Тимашев, Тимирязев и др. – считали необходимым после вступления в должность приезжать в Москву для проведения встреч с представителями московских торгово-промышленных кругов и обнародования своих программ.²⁶ Более того, – первый министр торговли и промышленности во Временном правительстве А.И. Коновалов, сам являлся её представителем.

Формирование московской буржуазии неразрывно связано со всей историей края, его экономическим развитием.²⁷ Это выражалось, прежде всего, в значительной доле среди московских предпринимателей выходцев из крестьянства. Так, данные «Списка фабрик и заводов Европейской России» показывают, что в ЦПР на 1900 г. из 2569 единоличных владельцев предприятий крестьяне составляли 26,5% (или 682 человека), немного уступая лишь выходцам из купечества, которые составляли 28,6% (736 человек). Что же касается остальных категорий, то среди владельцев единоличных заведений в Москве они составляли: мещане – 278 (10,8%); дворяне – 161 (6,3%); почётные граждане – 154 (6,0%); иностранные граждане – 97 человек (3,8%).

Такой тип формирования буржуазии, с преобладанием в новом классе купечества и крестьянства, условно можно определить как великорусский. В империи существовали и другие типы формирования национального торгово-промышленного класса. Свои особенности складывались, например, в Польше, Западном и Юго-Западном регионе. Так, в Польше, как и в Европе, в формировании буржуазии доминирующую роль играли выходцы из мещанства. А вот для Западных и Юго-Западных губерний характерно большую роль играло дворянство. Своя специфика наблюдалась и в Северной столице. Здесь при достаточно высокой доле среди буржуазии выходцев из купечества (30,6%), доля крестьян была ничтожной и составляла всего 4%. Отмеченные обстоятельства позволили некоторым исследователям определить буржуазию Промышленного центра как купе-

купеческо-крестьянскую в отличие, скажем, от Петербургской, о котором пишут как о купеческо-дворянской с высоким процентом иностранных подданных.²⁸

Корни и социальное положение долгое время оказывали решающее воздействие на облик, быт и нравы московской буржуазии. Московское купечество, выходящее из которого составили костяк московской буржуазии, славилось низким культурным уровнем. Накопление капиталов и громадных прибылей обгоняло рост потребностей московского купечества и даже состоятельные купцы, не говоря уже о более мелких, ютились в скромных, плохоньких домишках старой Москвы. Богатства же расточались на самые нелепые прихоти. Откупщик Кокорев, например, поставил у своего дома серебряные фонари, а дворецким сделал обедневшего севастопольского генерала. Заботы о душе и религиозность заставляли многих московских «богатеев» при жизни или после смерти передавать миллионные состояния церкви, стоять богадельни, приюты. И только к началу XX в. былая косность нравов московской буржуазии начинает уходить в прошлое. Меняется быт, его внешние атрибуты. Образование, в особенности специальное техническое, начинает находить всё большее признание и поддержку. Изменяются даже формы благотворительности. Отныне благотворительность московского купечества начинает приобретать черты просвещённого меценатства.²⁹ Но и в этот период прежняя отсталость проявлялась в политическом консерватизме московской буржуазии, хотя и здесь в начале века начинаются серьёзные подвижки, отчасти связанные с земским движением и процессом образования политических партий торгово-промышленного класса. Неслучайно учредительные съезды некоторых буржуазных партий и движений приходятся именно на Москву.

* * *

Не в меньшей степени процессы обновления сказывались и на другом социальном полюсе, где шло бурное становление трудового класса новейшей эпохи — пролетариата. В дореволюционной России, как и в любом обществе, совершающем переход от аграрной к индустриальной стадии своего развития, рабочий класс занимал достаточно своеобразное положение. С одной стороны пролетариат, как класс, многое вобрал от патриархального прошлого, с другой стороны он уже сам по себе являлся следствием процессов обновления. С одной стороны пролетариат по своему положению приближался к привилегированным слоям, что было обусловлено принадлежностью рабочих к городу, а с другой — именно рабочие наиболее явственно ощущали отторжение со стороны новой культуры имущих и образованных классов. Все эти особенности как нельзя лучше могут быть прослежены на примере рабочего класса промышленного центра России.

Социальный облик рабочего класса региона во многом определялся тем, что ЦПР в это время становится главным текстильным центром России. Самой многочисленной категорией среди рабочих района были именно текстильщики. Так, материалы промышленной переписи 1908 г. показывают, что в текстильной промышленности было сосредоточено 71,6% рабочих ЦПР, тогда как на предпри-

ятиях пищевой промышленности работало 5,8%, а на металлургических предприятиях – 10,9% рабочих. Наибольшее же количество рабочих в текстильной промышленности работало на предприятиях по обработке хлопка – 45,3% по Москве и 52,2% в среднем по ЦПР. Отметим, что в целом по России этим видом труда было занято всего 23,6% рабочих.³⁰

Такой большой процент рабочих-текстильщиков накладывал отпечаток на структуру всего рабочего класса ЦПР, в частности предопределял высокий удельный вес в его рядах женщин-работниц, поскольку на текстильных предприятиях работало, как правило, свыше 30–40% женщин. Столь же высоки показатели ЦПР и по применению труда подростков (от 12 до 15 лет), что происходило так же из-за преобладания в крае текстильной и других отраслей лёгкой промышленности. Впрочем, труд подростков мог использоваться и в типографиях, и на химических предприятиях, и на целом ряде других производств. Как вспоминал А.В. Петров, старый московский рабочий-печатник, в их типографии общая численность работавших составляла 80 человек, из них 45, т. е. более половины, являлись, так же как и он, учениками. Сам же Петров был отдан в обучение в типографию ещё одиннадцатилетним подростком. Другой яркий пример из своей жизни приводит ещё один московский рабочий Е.И. Немчинов. Он нанялся учеником в слесарную мастерскую, в которой работало 16 мастеров и ещё 19 подростков. Немчинов пишет, что устроиться ему удалось с трудом, поскольку хозяева предпочитали брать учеников двенадцатилетнего возраста, а ему уже исполнилось 16 лет.³¹ В общем, как показывают материалы промышленных переписей, в ЦПР труд подростков применялся существенно более широко, чем в среднем по России.³²

Широкое распространение в промышленности Москвы и Московского региона труда женщин, подростков, чернорабочих вело к низким показателям уровня жизни рабочих края. Кроме того, величина заработка зависела и от того, располагалось ли предприятие в городе, где жизнь была дороже, или в сельской местности, от колебаний спроса и предложения на рабочую силу и от многих других обстоятельств. На снижение жизненного уровня рабочих края влияла и правительственная политика, шедшая по пути свёртывания социальных программ. Так, если ассигнования на пособия по болезни и пострадавшим на производстве по Московской губернии в 1906 г. составляли 8.470 рублей, то в 1908 г. всего 7.350 рублей. Фабричные инспекторы отмечали практику, когда больные и травмированные рабочие скрывали это обстоятельство от администрации, боясь потерять заработок.³³ Очень распространённым явлением в ЦПР были штрафы, а также натуральные выплаты, что создавало благодатную почву для махинаций администрации и так же серьёзно снижало жизненный уровень рабочих. В результате норма прибавочной стоимости, выражавшая степень эксплуатации рабочих, порой достигала в крае 100% и выше.³⁴

Важнейшим обстоятельством, серьёзно влиявшим на облик рабочего класса ЦПР, а так же на его мировоззрение являлась теснейшая связь местных рабочих с крестьянством. В прежней историографии обстоятельство это оценивалось дале-

ко не в должной мере, хотя первые исследования о влиянии русского крестьянства на формирование рабочего класса страны проводились уже в конце XIX века. Так, на основании обследования Серпуховского, Коломенского и Бронницкого уездов Е.М. Дементьев выделил существенные признаки, позволившие говорить о том, что связь между двумя трудовыми классами тогдашнего российского общества была самой прямой и непосредственной. К примеру, как показали исследования Дементьева, многие рабочие имели в деревне родителей и продолжали поддерживать с ними родственные отношения (в том числе в хозяйственной сфере), другие рабочие летом уходили с фабрики на полевые и прочие работы в деревню. Опираясь на эти и другие полученные им данные, Дементьев сумел доказать, что прочную связь с деревенскими корнями сохраняли не менее 5,7–19,7% городских рабочих.³⁵ Другое исследование, относящееся, правда, к несколько более раннему времени, показало, что в одном из наиболее промышленных уездов Московской губернии работников промышленных заведений «не крестьян» было лишь 25%.³⁶ Согласно данным за 1908 г. по Московской губернии 5,7% рабочих-мужчин бумагопрядильных и бумаготкацких фабрик, а шелковых фабрик до 19,3% уходило на летние работы в село.³⁷ Соответствующий показатель для рабочих-мужчин Владимирской губернии колебался от 12,3% до 12,5%. Как писал в конце XIX века экономист Н.А. Каблуков: «тогда как на Западе труд на фабриках составляет для рабочего единственный источник существования, у нас, *за сравнительно небольшим исключением*, рабочий считает труд на фабрике побочным занятием, *его более тянет к земле*».³⁸

Даже В.И. Ленин, полагавший, что Россия успешно движется по столбовой дорожке капиталистического развития, вынужден был в своих работах опираться на цифры, рисовавшие противоречивую картину зрелости капиталистических отношений в стране. Оказывалось, например, что на начало века общенациональный рынок труда в России ещё только формировался и носил ярко выраженный сегментарный характер, распадаясь на множество местных рынков, находящихся, к тому же, под сильным давлением аграрного сектора экономики.³⁹ Так, опрос 103175 фабрично-заводских рабочих Московской губернии показал, что рабочих-уроженцев данного уезда работает на фабриках своего же уезда 51,6%, т.е. более половины. В некоторых уездах это число было значительно выше: в Можайском и Волоколамском уездах 92–93% фабрично-заводских рабочих являлись уроженцами самих этих уездов. Среди работающих в Московской губернии доля родившихся в этой губернии составляла 64%.⁴⁰

В результате, как свидетельствуют современники, на рубеже XIX–XX веков предприятия, рабочие которых были целиком выходцами из одних и тех же мест, исключением вовсе не являлись.⁴¹ При этом рабочие полностью сохраняли прежние семейные и хозяйственные структуры, лишь внешне приспособлявая их к новым условиям. Об одном интересном факте такого рода сообщалось в журнале «Вестник финансов, промышленности и торговли». В нём рассказывалось о том, что в Костромской губернии на одном из предприятий, фабрике т-ва «В. Дородно-

ва сыновья», на котором большинство рабочих было выходцами из окрестных деревень, местным присутствием согласно статье 125 устава о промышленности было дано разрешение на ночную работу женщин и подростков с главами их семейств, поскольку для самих рабочих предпочтительнее было работать семьями, дабы *«не разбивать хозяйства»*.⁴²

В распоряжении Ленина имелось немало свидетельств и о прямых связях промышленных рабочих с их деревенскими корнями. В одной из своих ранних работ он приводил данные о том, что из 20 тыс. опрошенных рабочих свыше 14% уходило на сельские работы. Очевидно, что приводимые Лениным в подтверждение зрелости капитализма в России процессы отрыва рабочих от земли действительно шли, но, тем не менее, находились еще совсем не на том уровне, который бы позволял их игнорировать.⁴³

Одним из ключевых показателей, свидетельствующих о сохранении связей рабочих с селом можно считать владение многими рабочими собственным земельным наделом. Источником, позволяющим судить о распространённости этого явления, являются, к примеру, опубликованные данные профессиональной переписи 1918 года. Проанализировав её результаты, А.Г. Рашин доказал, что непосредственно до революции в среднем по 31 губерниям России владели землёй, своей или своей семьи, 31,3% рабочих, а таких рабочих, которые не только имели землю, но и вели своё хозяйство самолично или при помощи семьи насчитывалось 20,9%. По ЦПР эти данные, как правило, выше среднестатистических. Вот каково соотношение имевших землю и её обрабатывавших по некоторым губерниям ЦПР: Владимирская – 40,1 и 30,9%; Иваново-Вознесенск – 35,5 и 22,6%; Калужская – 40,5 и 37,4%; Москва – 39,5 и 22,8%, – 48,8 и 35,6%. Правда, в Ярославской губернии эти показатели составляли всего 14,9 и 10,1%,⁴⁴ но на практике, в особенности в сравнении с данными по Западной Европе, и они представляется вполне значительными.

Если по каким-то причинам рабочие и утрачивали хозяйственную связь с землей, они часто сохраняли связь личную, в том числе перечисляя часть заработка оставшимся в деревне родственникам. Например, по Шуйскому уезду Владимирской области таких рабочих было примерно 19,4%, что может считаться усреднённым показателем для ЦПР.⁴⁵ Трудно было ожидать чего-либо другого, ведь и по своему сословному положению, согласно все тем же данным статистики, большинство рабочих всё еще принадлежало к крестьянству. В частности, на Цинделевской мануфактуре, как подчёркивает О. Соловьёв, по сословной принадлежности даже в 1917 году являлось крестьянами 94% рабочих.⁴⁶ И такое положение вещей было широко распространённым.

Впрочем, что ещё важно отметить, часто сами условия жизни рабочих не сильно отличались от условий жизни крестьянства, как это видно на примере Коломенского завода. Его рабочие жили не только в рабочих общежитиях и сборных, но и в обычных деревенских домиках с разнообразными пристройками и даже традиционными резными наличниками, выдававшими индивидуальные вкусы и

пристрастия хозяев.⁴⁷ В этой связи интересны результаты исследований последних десятилетий. Они показывают, что наиболее тесную связь со своими крестьянскими корнями обнаруживают рабочие пищевой, кожевенной, деревообделывающей, швейной промышленности, обувщики, — т.е. тех отраслей, предприятия которых в своём большинстве расположены как раз в небольших городках и сельской местности. При этом величина предприятий играла абсолютно второстепенную роль, о чем свидетельствуют данные статистики по Иваново-Вознесенску и Ярославской губернии.⁴⁸

Приведённые выше показатели увеличиваются для военного времени, т.к. в последние годы войны приток людей из деревни стал значительнее. За годы войны примерно пятая часть кадрового пролетариата ушла на фронт. В результате доля пришлых элементов, в основном из деревни, увеличилась до 60% сравнительно с сорока довоенными процентами. Особенно это характерно было опять для второй столицы с прилегающими губерниями.⁴⁹ Не изменилась ситуация и в год революции. Любопытные сведения, например, приводит делегат VI съезда РСДРП (б) В.Е. Левшин. Отвечая на вопрос распространявшейся на съезде анкеты о социальном составе рабочего класса, он отмечал, что «во всём Коломенском уезде числятся более 30 тысяч рабочих, связанных с деревней *ежедневными* поездками в рабочих поездах и хождением на 7–10-вёрстное расстояние».⁵⁰

Однако данные, рисующие связи промышленных рабочих с деревней накануне Октября и изменения в составе промышленных рабочих не отражают того качественно нового, что принесла война в эти отношения. Серьёзно изменились источники пополнения рабочего класса в самой деревне. Если раньше это было по большей части пролетаризованное крестьянство, т. е. шаткие, во многом утратившие связь со своей средой люди, то теперь на фабрики пошли так же середняки, которые и составляли костяк сельской общины. Этот процесс чётко зафиксировала Московская биржа труда — в 1916 г. среди искавших работу выходцев из деревни около 80% имели в деревне землю и дом. Причём в 1916 г. доля таких рабочих возросла по сравнению с 1914 годом. Для строительных рабочих этот процент составлял 92%, а для металлистов 60%.⁵¹

В последнее время в распоряжении историков оказывается всё больше источников, позволяющих судить о связи рабочих с деревней, многие из них были хорошо известны и прежде, но в основном использовались для исследований по другим вопросам. Одним из таких источников можно считать крестьянские паспорта. По мере перетекания крестьянства в города, крестьянам начинают выдавать паспорта на год, на пять лет, а с 1910 г. — и бессрочные. Паспорта же вводились властями в том числе и для того, чтобы удобнее было следить за местонахождением ушедших на заработки и взыскивать подати с поступивших на фабрику через администрацию предприятий. Тем самым в распоряжении источников оказались материалы, позволяющие довольно полно учесть, сколько на каком предприятии работало выходцев из тех или иных волостей и даже конкретных деревень.

Помимо личных отходных паспортов, связи рабочих с деревней чётко зафиксированы в различных бухгалтерских документах. В некоторых из них фиксировались не только размеры вносимых рабочими аграрных податей⁵², говоря словами источника «оброка», но и те деревни, выходцами из которых являлись рабочие. Из подобного рода документов можно узнать, к примеру, что на предприятии «Т-ва Саввинской мануфактуры Викулы Морозова с-ей, И. Полякова и К^о» работало 24 человека из деревни Темниковой Пехорской волости, 14 человек – из деревни Чёрной Васильевской волости, 7 человека – из деревни Пуршевой той же волости, 5 человек – из деревни Дятловка той же волости и т.д.⁵³

Конечно, а целом пролетариат России, в том числе Москвы и ЦПР, чем дальше, чем больше формировались как особый, самостоятельный класс русского общества, со свойственными только ему интересами и мировоззренческими установками. Возрастали грамотность и квалификация рабочего класса.⁵⁴ Нельзя не назвать и такой важный показатель, как увеличение количества потомственных рабочих, рост их удельного веса среди прочих категорий промышленного пролетариата. Так, из охваченных исследованием 69 368 человек, работавших на предприятиях Москвы и Московской губернии в 1908 г. потомственными (по отцу) оказалось уже 39,7% рабочих. Особенно высока была доля потомственных рабочих на механических ткацких и бумагопрядильных фабриках — соответственно 46,1% и 39,1%. Около трети потомственных рабочих работало на предприятиях Ярославской и Тульской губерний, а так же в Иваново-Вознесенской области. Что особенно важно, доля потомственных рабочих постепенно увеличивалась. Характерные для наблюдавшихся в те годы тенденций результаты получены по Ярославской большой мануфактуре. Среди рабочих, поступивших на неё работать с период с 1900 по 1904 гг. потомственных рабочих было около 32%, а среди пришедших на фабрику в 1905–1909 гг. – уже 48%.⁵⁵

И всё же, ни рост численности потомственных рабочих, ни число грамотных в среде их, ни какие другие происходившие на рубеже веков перемены не отменяли особенностей рабочего класса Москвы и центрально-промышленного региона в целом, связанных с их социальными корнями, на чём вынужден был останавливаться даже В.И. Ленин: «Что Москва более Питера мелкобуржуазна, – писал он, – это общеизвестно, что у московского пролетариата несравненно больше связей с деревней, деревенских симпатий, близости к деревенским крестьянским настроениям, это факт, много раз подтвержденный и неоспоримый».⁵⁶ Отмеченные Лениным и другими современниками той эпохи специфические черты развития рабочего класса ЦПР не могли существенным образом не сказаться в последствии, в период русской революции 1917 года, в которой рабочие Промышленного центра России сыграли такую важную, можно сказать, ключевую роль.

¹ В историографии сложились разные подходы к обозначению территории ЦПР. Разнобой мнений восходит ещё к дореволюционным временам. К примеру, в материалах фабрично-заводской переписи 1908 г. в ЦПР не были включены Рязанская и Тульская губернии (См. Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г. Ч. 1. СПб., 1912), в классификации же предложенной П.П. Семёновым в Московский регион включал в себя лишь Мос-

ковскую, Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Нижегородскую и Владимирскую губернии (См. Статистика поземельной собственности. СПб. 1880—86). Имелись и другие подходы к регионированию, в том числе не по губернскому, а по уездному комплектованию и проч., о чём в своё время подробно писалось в Энциклопедическом словаре под ред. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (См. Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 227—231). Позже, в 1917 г. Московский промышленный регион входит в Московскую (Центральную промышленную) область - одно из возникших в тот момент объединений Советов, включавших в себя Московскую, Владимирскую, Воронежскую, Калужскую, Костромскую, Курскую, Нижегородскую, Орловскую, Рязанскую, Смоленскую, Тамбовскую, Тверскую, Тульскую и Ярославскую губернии, но в таком составе Московская область позже объектом исследований не являлась. К середине 80-х гг. под ЦПР чаще всего понималось 9 губерний: Московская, Смоленская, Калужская, Тульская, Рязанская, Владимирская, Тверская, Ярославская, Костромская (См. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1987. С. 573—575). В последние же годы ряд исследователей исключают из ЦПР Смоленскую губернию, но дополняют его Нижегородской губернией. В нашем исследовании мы применяем расширенное толкование ЦПР, включая в него и Смоленскую, и Нижегородскую область, а также, когда этого необходимо, привлекаются материалы по губерниям Московской области. В то же время основная масса источников приводится нами по тем губерниям, которые обозначены в классификации П.П. Семёнова, а из них – по Московской, Костромской и Владимирской губерниям.

² Термин модернизация, появился в нашей науке не так давно, следствием чего является неоднозначность его трактовки в современной историографии. Так, В.П. Булдаков в своей монографии "Красная смута" под модернизацией понимает индустриализацию и урбанизацию (См. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. 1997, С. 15). В вышедшей на русском языке и существенно повлиявшей на российских историков работе американского историка даётся более развёрнутое определение термина, согласно которому под модернизацией следует понимать не только процессы индустриализации и урбанизации, но и перемены в области системы образования, которая теперь формирует не соборную личность, а живой материал для фабричной промышленности, создание современных транспортных коммуникаций, а также современных средств массовой информации. Кроме того, по мнению Холмса, модернизация ведёт к некой формализации, бюрократизации или, иначе, институционализации жизни. Эта институализация жизни, по Холмсу, означает неизбежность, при современных условиях жизни, контактов между индивидом и различными институтами государства. Человек рождается, вступает в брак, учится, лечится — при этом, в современном обществе, он постоянно находится в процессе общения с самыми разнообразными учреждениями, без которых современное общество просто рассыпается (Холмс Л. Социальная история России: 1917—1941. Ростов-на-Дону. 1994. С. 37—38 и др.).

Наиболее подробно и ясно определение модернизации дано в труде Миронова "Социальная история России". Во втором томе своего исследования историк пишет:

"В западноевропейских странах переход к современному обществу особенно интенсивно происходил в 1770—1870 гг., причем до 1848 г. общества как бы колебались между старым и новым; с 1870 г. процесс модернизации стал необратимым и завершился в начале XX в. Основываясь на их опыте, выделяют следующие существенные признаки модернизма: 1) возникновение современной личности, которая принимает изменение как норму, гражданские и политические права как атрибут человека, рыночную экономику и частную собственность как необходимые условия, обеспечивающие нормальное функционирование общества и государства на основе разума и науки; 2) утверждение светской системы ценностей, в которой индивидуализм является «массовым ощущением», «второй религией», «новой технологией общественного и человеческого успеха»; 3) малая демократическая семья с полным равенством супругов, родителей и детей как единственная форма семейной жизни; 4) индустриальный и урбанистический образ жизни, основанный на функциональной специализации институтов и людей (имеется в виду разделение труда, профессионализация, бюрократизация управления и т.д.); 5) гражданское общество; 6) правовое государство; 7) полная централизация и интеграция политической, экономической и культурной сфер, или уровней, общества на единых основаниях: верховенстве закона, открытости, гласности, публичности и конкуренции; 8) рыночная экономика, основанная на конкуренции и частной собственности; 9) складывание нации не только на основе языка, религии, культуры и территории, но и как совокупности людей, объединенных согласно их воле, идентифицирующих себя с целым и осознающих свое единство" (Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2., СПб., 1999. С. 304—305).

Собственно говоря, весь колоссальный по объёму и информативности труд Миронова посвящён анализу, как эти модернизационные признаки проявились в России. Историк приходит к выводу о незавершённости российской модернизации начала XX в. и специфичности модернизации советского времени.

³ Об этом писал, в частности, В.П. Семёнов-Тяншанский. См.: Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып. III. Московская промышленная полоса, СПб., 1902 и др.

⁴ Россия: Энциклопедический словарь. С. 76, 77, 83.

⁵ См. Статистический ежегодник России. 1914. Пг., 1915. Отд. 1. С. 33–57.

⁶ Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 19.

⁷ Приток населения в Москву шел в основном из прилегающих к ней сёл. Вероятно поэтому по национальному составу Москва оставалась русским городом: 95% её населения были великороссами, украинцами и белорусами (История Москвы. М., 1978. С. 147).

⁸ Московский архив. Историко-краеведческий альманах Московского городского объединения архивов. М., 1996. С. 167. Подробнее см. ЦИАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 804).

⁹ Подробнее см.: Разумов Л.В. Расслоение крестьянства. С. 290–291. Таким образом, вопреки устоявшимся представлениям, материалы по Московскому промышленному району свидетельствуют, что развитие капитализма отнюдь не вело к подъёму материальной базы сельского хозяйства. Наоборот, капитализация оборачивалась для России партикуляризацией сельского хозяйства, падением доли многолошадных хозяйств, обеспеченных крупным рогатым скотом, механизмами и инвентарём. В этом смысле показательно, что в ЦПР, к примеру, в ряде волостей Смоленской и Калужской губерний разложение крестьянства шло по линии сокращения посевов, количества тяглового скота и всего того, что связано с земледелием.

¹⁰ Разумов Л.В. Расслоение крестьянства. С. 221–222 и др.

¹¹ Подсчёты произведены Н.А. Ивановой по кн.: Свамицкий З.М. Земские подворные переписи 1880–1913 гг. Поуездные итоги. М., 1926 (См.: Иванова Н.А. Промышленный центр России. 1907–1914 гг. М., 1995. С. 246).

¹² Общее соотношение здесь может быть условно названо как один к трём Там же. С. 247.

¹³ Фрейдлин Б.М. Очерки истории рабочего движения в России в 1917 году. М., 1967. С. 30 и др.

¹⁴ Иванова Н.А. Промышленный центр России. С. 28–29, 122–123.

¹⁵ История Москвы. Т. 4. М., 1954. С. 144–145 и др.

¹⁶ Иванова Н.А. Промышленный центр России. С. 123.

¹⁷ Панкратова А.М. Текстильщики в революции 1905–1907 гг. // Панкратова А.М. Рабочий класс России. Избранные труды. М., 1983.

¹⁸ Лаверычев В.Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900–1917 гг.). М. 1963.

¹⁹ Булдаков В.П. Имперство и российская революционность. Критические заметки // Отечественная история. 1997. №1. С. 48; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М, 1997. С. 20 и др. Впрочем, его подход чем-то напоминает подход дореволюционных историков государственной школы (от Чичерина до Ключевского), а также взгляды тех западных историков, которые говорят о закономерно сильном государственном воздействии на экономику в условиях догоняющей модернизации (См. Канищева Н.И. Современная западногерманская буржуазная историография о социально-экономических предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции // Современная буржуазная историография Советского общества. Критический анализ. М., 1988 и др.)

²⁰ См. подробнее: Звягин Ю. Ю. Фабричное законодательство в конце XIX – начале XX века в России и Западной Европе: опыт сравнения // Россия и Запад. СПб. 1996.

²¹ См. Спиридович А. Записки жандарма. М., 1991. С. 97–107.

²² См. подробнее: Лубков А.В. Война. Революция. Кооперация. М., 1997. С. 13.

²³ Иванова Н.А. Промышленный центр России. 1907–1914 гг. М. 1995. С. 10–11.

²⁴ Отсталость понятие весьма относительное. В определённом смысле оно вполне может трактоваться как относительно низкий удельный вес капиталистических отношений в экономике России по сравнению со странами классического капитализма. В этом смысле отсталость капитализма в России не будет тождественна общей отсталости России, которая, в силу причин, действительно была, но могла быть преодолена и не на путях капиталистической перестройки.

²⁵ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. Капитализм. М., 1950. С. 472–473.

²⁶ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. С. 465.

- ²⁷ См. подробнее: Гавлин М.Л. Социальный состав крупной московской буржуазии во второй половине XIX в. // Проблемы отечественной истории. М., 1993.
- ²⁸ См.: Иванова Н.А. Промышленный центр России. С. 276–277; Шацкило М.К. К вопросу о социальной структуре российской буржуазии конца XIX века // Экономическая и общественная жизнь России нового времени. Ч. 1. М., 1992. С. 148–155 и др.
- ²⁹ См. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. С. 462–464.
- ³⁰ См.: Иванова Н.А. Промышленный центр России. С. 25–28.
- ³¹ См. На заре рабочего движения в Москве. М. 1932 и др.
- ³² См.: Иванова Н.А. Промышленный центр России. С. 102–104.
- ³³ Тимакин А.Ф. Факторы жизненного уровня Московской губернии. 1905–1913 гг. // Научная программа: Русский язык, культура, история. Ч. II. М. 1995.
- ³⁴ См.: Иванова Н.А. Промышленный центр России. С. 108–112, 126, 268, 272 и др.
- ³⁵ Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что у него берет. М. 1887. С. 3–4.
- ³⁶ Погожев А.В. Санитарное исследование фабричных заведений Богородского уезда. Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. III. Вып. XI. М., 1885. С. 173–174.
- ³⁷ Козьминых-Ланин. Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1912.
- ³⁸ Кабулов Н.А. Лекции по экономии сельского хозяйства, читанные в Московском университете в 1895/6 г. М. 1897.
- ³⁹ Подробнее о фазах и закономерностях формирования общенациональных рынков труда см.: Эрл К. Разделение труда: сегментарная география рынков труда и рабочего движения Америки в период индустриализации. 1790–1930 // Конец рабочей истории? Под ред. Марселя ван дер Линдена. М., 1996.
- ⁴⁰ Сборник стат. свед. по Моск. губ. – отд. sanit. стат. Т. IV, Ч. 1. М., 1890. С. 236–237, 240.
- ⁴¹ См. Тимофеев П. Чем живёт заводской рабочий, СПб. 1906. С. 11–16.
- ⁴² Вестник финансов, промышленности и торговли. 1912. №18.
- ⁴³ Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 537–540; 549–550.
- ⁴⁴ Он же. Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940. С. 414–415.
- ⁴⁵ Материалы для оценки земель Владимирской губ. Т. X. Шуйский уезд. Вып. III. Промыслы крестьянского населения, Владимир. 1908. С. 101–108.
- ⁴⁶ Соловьёв О.А. К вопросу о реакции Московского пролетариата на февральские события в Москве // 1917 год в исторических судьбах России. Проблемы истории Февральской революции. М. Изд-во Прометей. 1992. С. 114.
- ⁴⁷ См. ГА РФ. Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 57. Л. 5.
- ⁴⁸ См. Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочие Советской России в первый год диктатуры пролетариата. (Опыт структурного анализа по материалам профессиональной переписи), М., 1975. С. 115.
- ⁴⁹ Дробижев В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочие Советской России в первый год диктатуры пролетариата. С. 110; История Советского рабочего класса. С. 49 и др.
- ⁵⁰ Шестой съезд РСДРП (б). М., 1958. С. 328.
- ⁵¹ Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964. С. 25; Николаев П.А. Рабочие-металлисты Центрально-промышленного района России в борьбе за победу Октябрьской революции (март – ноябрь 1917 г.). М., 1960. С. 10; Статистика труда. 1919. №5–7. С. 15 и др.
- ⁵² К слову сказать, не лишнем будет отметить, что уже само по себе перенесение на фабричные заведения уплаты рабочими крестьянских податей является одним из ярчайших подтверждений организационного родства рабочих с деревней, родства, которое осознавалось и консервировалось даже имперскими фискальными органами.
- ⁵³ См.: Иванова Н.А. Промышленный центр России. С. 248.
- ⁵⁴ Что касается роста грамотности в рабочей среде, то в 1897 г. наибольшее число грамотных рабочих ЦПР было сосредоточено в Ярославской (61,6%), Московской (59,9%), Тверской (54,6%) губерниях. Отдельные губернии ЦПР по этому показателю со временем стали обгонять даже Петроград. (См.: Иванова Н.А. Промышленный центр России. С. 251–252, 264).
- ⁵⁵ Мейерович М.Г. Об источниках пополнения фабрично-заводского пролетариата в эпоху империализма (на материалах Ярославской губернии) // История СССР. 1980. №5.
- ⁵⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 278.